

ОТЕЧЕСТВО

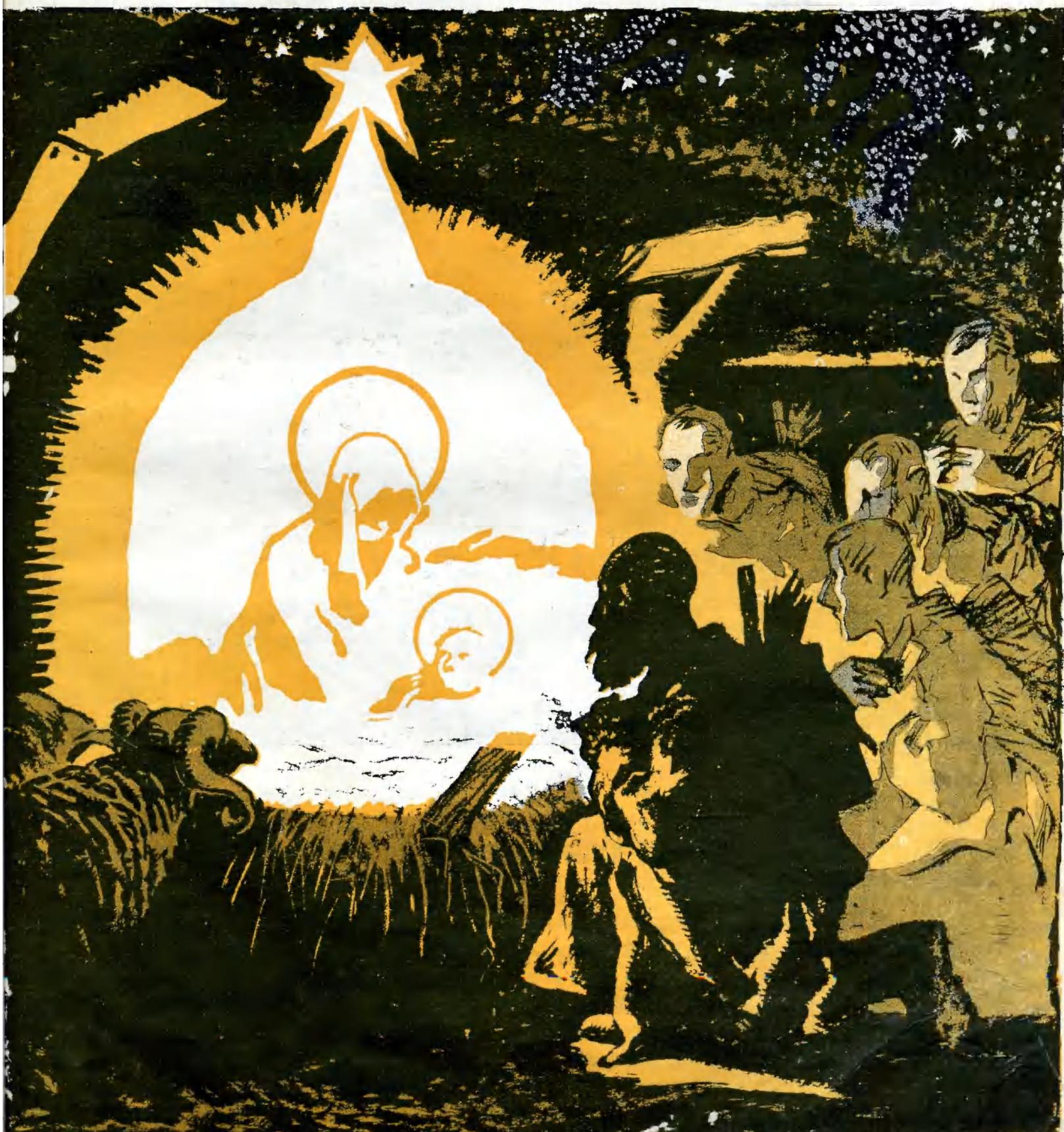
1-й экз.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 7.

ПЕТРОГРАДЪ.

25 ДЕКАБРЯ 1914 г.

Тамъ за степями, за лѣсами,
За молніями всѣхъ ночей —
Пройти безслѣдными путями
Навстрѣчу роковыхъ морей!

Пусть Святославъ не вѣрять встрѣчѣ.
Пусть Ярославна ждетъ домой, —
Неистовья — Божьи сѣчи
Намъ гнѣвной суждены судьбой:

Испить моря — узнать безкрайность
Еще таинственныхъ морей, —
О Игорь, не одна случайность
Быль твой походъ во мглѣ степей.

Гдѣ солнце тмилось, волки выли,
Лисицы пѣли подъ грозой, —
Но гдѣ орлы тоской томили —
И звали въ запредѣльный бой!

Вл. Бестужевъ.

Рис. М. В. Добужинскаго.

У Т Р О М Ъ .

(Собств. эскри. «Отечество»).

АЛЕКСѢЙ РЕНИЗОВЪ.

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

— Про наши бои почитай газетку!
— Почитай газету этихъ чиселъ и узнаешь!

— Оно вѣрно, по газетѣ все тебѣ, какъ на солнышкѣ видно. Но одного никогда не увидишь — страднаго сердца.

— А было такъ: въ Ильинъ день нынче русскій народъ по суду Божію поднялся съ земли родной и пошелъ въ огонь. И съ того часа огненная пустыня — мать пустыня — открылась душѣ народа и взяла его волю.

Пустыня вѣщала:
«Горько во мнѣ жить,
«Здѣсь всегда быть должно
«Въ постѣ и молитвѣ...

«ОМІЛІЯ НЕ НАДО»

письмо ефимово.

И съ того суднаго часа русскій народъ —

трудникъ — горитъ единымъ сердцемъ.

Не узнать изъ газетки и про Степана Иваныча — фамилии не надо... какъ послалъ его Богъ встрѣчу раненому.

Рана моя благодаря Бога легкая: лѣвой руки палець указательный — на чуть-держится. Когда меня ранили, я бѣжалъ назадъ, чтобы перевязать рану. Очень было опасно: въ саженьяхъ въ пяти отъ меня рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчелы, воютъ пули ружейныя. Но пули были мнѣ не страшны, а страшно было, какъ рвались возлѣ меня снаряды съ тяжелыхъ ихнихъ орудій, но я въ тое время

падалъ на землю на чистомъ полѣ, и осколки отъ снарядовъ между мной летѣли со свистомъ, со стономъ. Но я въ тое время все падалъ внизъ лицомъ, — и лежишь и ожидаешь въ эту ужасную минуту, что когда мое тѣло подниметъ на воздухъ и растерзаетъ на куски. Даже земля дрожить, какъ она рвется, въ сажень яму сдѣлаетъ. Но благодаря Бога отбѣжалъ отъ этого ужаснаго мѣста, перевязали меня, а то было оболтано твоимъ носовымъ платкомъ, — у васъ навѣрно было дадено Настѣ — у меня былъ взять съ собой, и смочилъ его весь кровью. Когда отошелъ верстѣ десять, встрѣтилъ земляковъ, — ѣдетъ паркъ, — и увидѣлъ Степана Иванова и Кривскихъ двухъ. Поздоровались съ нимъ, поговорили. Степа спросилъ: «Есть ли у тебя деньги»? Я сказалъ, что нѣту ни копѣйки за душой. Онъ взялъ рубль, далъ мнѣ. Покурили Дунаева табаку вмѣстѣхъ съ нимъ, — который намъ присланъ со Старой Руссы въ подарокъ и мы его успѣли раздѣлить передъ боемъ, восьмушку на двоихъ. Онъ спросилъ у меня: «Куда раненъ»? Я сказалъ. Попрошались и пошли.

— А пишеть это Ефимъ Алексѣевъ — фамилиі не надо... народъ русскій.

Раненый подъ Варшавой, — лѣвой руки палецъ указательный на чуть-держится, — выйдетъ Ефимъ изъ госпиталя и опять на позицію въ огонь.

Помилуетъ его Богъ? Помилуетъ... и пусть на чистомъ полѣ рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчелы, воютъ пули, и пусть осколки отъ снарядовъ летать со свистомъ, со стономъ, вѣрую, помилуетъ — за терпѣніе, за его трудъ, за слово.

1.

24-го августа 1914-го г.

Дорогая сестра Ксенья и Настя, з далеко шлю вамъ сердечной поклонъ отъ извесного брата вашего Ефима Алексѣева и желаю вамъ быть здоровым от Господа Бога.

Дорогая сестра Ксенья, сердечно ото всей души благодарю васъ за ваша письмо, которое вами писано 29-го числа іюля, я получил его 24-го августа.

Дорогая сестра Ксенья, я его получилъ, занемши былъ окопы копать, и взялъ началъ читать Стала очень скучна. До сего время писемъ я не получалъ з дома, кроме Вариного одного письма. Сталъ такъ думать, что вероятно мне и не придется писменно и поговорить з домашнимъ и бросилъ имъ писать. И самъ не сталъ писать домой. Послано до 24-го авгу. писемъ 15-ть, а отъ нихъ нету. Даже обижаюсь на нихъ: люди получаютъ, а я нетъ! Ближніи с одной дер[евни] все получили, а мне нетъ! Со мной с Кри[в]иска 2-е — Парфенов Андрей, Вася Куз., со Скроцдова 2-е да съ Беляевц. 3 — Егоръ Ермал, Гвырин и я.

Ксенья, кланся отъ меня Вари, И. Ф., Поли, Ньюши, Устиныи, Яши, Гриши, Ильюши и желаю быть здоровым. Ньюша (м) и Поля, мой советъ къ вамъ, если Богъ не помилуетъ меня, живиге вмѣстѣ съ моей женой Настей и не оставте дочь Главдю, живиге болше въ деревни, но въ прочемъ, какъ желаете.

Варя мне писала на счетъ денегъ — мне прислать, я ей писалъ, спрости у ней, но все-таки, Ксенья с Настей, пришлти немного денег, хотя 2 или 3 руб., если на почте примутъ, спрости у нихъ. Хотя, если меня и не будит, такъ ихъ получите обратно.

Ксенья, писать некогда болше: копаемъ окопы, приготавлиаемся къ бою на дняхъ этихъ съ 24-го, — чемъ Господь намъ поможитъ! Прощайте, дорогие сестры Ксенья и Настя, такше Поля и Ньюша.

Ксенья, опиши домой, что я до 24 (іюль) авгус. не получалъ отъ нихъ отвѣта на мои письма и передай по

Рис. М. В. Добужинскаго.

нискому поклону.

Ксенья, хотя долго я от васъ ждалъ письма, но я теперь могу и въ бой ити, все-таки хотя от сестры получил! Прощай, дорогая Ксенья и братъ Яша, не оставте дочь Главдю.

Опиши, что тебе з дома пишут.

2.

16-го октября 1914-го г.

Сердечно кланяюсь дорогимъ сестрицамъ Ксеніи Алексѣевне и Настасіи Алексѣевне отъ брата Вашего Ефима Алексѣева, и желаю вамъ быть здоровымъ отъ [Господа] Бога Вашей жизни. Во-вторыхъ, извѣщаю об своемъ здоровьѣ, что я благодаря Бога живъ-здоровъ, чего и вамъ желаю. Затемъ, дорогие сестры, извѣщаю, что меня ранили 11-го числа октябр. Рана моя благодаря Бога лекая: левой руки палецъ указательный — на чуть-держится.

Ксенья, про наши бои почитай газетку.

27-го сентября и по 6-е окт. — 10 дней дрались день и ночь под Варшавой, затемъ изъ этихъ 10 дней и я 3 дня участвовалъ въ бою, но Господь помиловалъ. Затемъ онъ отступилъ отъ города, а мы ему вслѣдъ направили, и произошолъ бой 11-го окт. 12 и 13-го, тутъ онъ понесъ большыя урны.

Почитай газетку этихъ чиселъ и узнаешь.

Когда онъ отступилъ и мы пошли томъ местомъ, гдѣ происходилъ бой, было не пройти, сколько труповъ лежало ихнихъ и нашихъ (есть), даже ужось беретъ, — вездѣ куски мертвыхъ тѣлъ.

Когда меня ранили, я бежалъ назадъ, чтобы перевязать руку. Очень было опасно: въ саженьхъ въ 5-ти отъ

меня рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчолы, воютъ пули ружейныя. Но пули были мне не страшны, а страшило было, какъ рвались возле меня снаряды с тяжелыхъ ихнихъ орудій, но я въ тое время падалъ на землю на чистомъ полѣ и осколки отъ снарядовъ между (мен) мной летели со звизгомъ, со стономъ. Но я въ тое время все падалъ вѣнизъ лицомъ,—и лежишь и ожидаешь въ эту ужасную минуту, что когда мое тело подниметъ на воздухъ и растерзаетъ на куски. Даже земля разорвется, какъ она разорвется, въ сажень яму зделаетъ. Но благодаря Бога отбежалъ от етого ужаснаго мѣста, перевязали меня, а то было оболтано твоимъ носовымъ платкомъ,—у васъ наверно было дадено Насти,—у меня былъ взять [съ] собой, и смочилъ его весь кровью. Когда отошолъ вереть десять, встретилъ земляковъ,—(едутъ) едетъ паркъ,—и увидалъ Степана Иванова и Кривскихъ 2-хъ. Поздоровались с нимъ, поговорили. Степа спросилъ:

— Ес-ли у тебя деньги?

Я сказалъ, что нету ни копейки за душой.

Онъ взялъ 1 руб., далъ мне. Покурили Дунаева табаку вмесляхъ с нимъ,—который намъ присланъ со Старой Русы въ подарокъ, и мы его успели разделить перед боемъ, восмушку на двоихъ. Онъ спросилъ у меня:

— Куда раненъ?

Я сказалъ. Попрощались и пошли.

Затемъ Егоръ Ермалаевъ тоже раненъ в одинъ день, но (меня ранили) онъ остался въ строю. Но черезъ 2 дня насъ собралась Варшавы около 200-сотъ раненыхъ разныхъ полковъ, и я въ числѣ етихъ людей нашолъ Егора Ерм. Поздоровались с нимъ: я даю ему правую руку здоровую, а онъ мне даетъ левую здоровую. Я ему сказалъ, что у насъ какъ неловко! У него правая рука ранена въ ладонь.

Ксеня, Господь ведаеть, можетъ быть, по выздоровленіи моего палца опять побдимъ на позицію, если продлится война. Но все-таки Богъ ведаеть, будитъ камисія и месяца 3 придется личитъ.

А я просился въ Питербургъ лечитъ,

Адресъ пишеть: городъ Слонимъ Гродницкой губ. запасной (гост) госпиталь, получ. м. у-о. Е. Ал.

Ксеня, если у Вари не послано денги, то пошли ихъ сюда, я не получалъ ихъ. Прощайте, дорогая, сряду пишете ответъ.

3.

22 дня октября
1914 г.

Сердечно кланяюсь жаркимъ поклономъ дорогимъ сестрицамъ Ксеніи Алексѣевне и Настасіи Алексѣевне отъ извеснаго брата вашего Ефима Алексѣевича и желаю вамъ быть здоровымъ отъ Господа Бога, не только въ этотъ годъ, но в продолженіе многихъ летъ жили бы в обычной дѣятельности и находили бы въ этомъ ваше счастье. 3 дома я не получалъ здесь писемъ, а имъ писалъ.

Дорогіе сестрицы, передайтѣ мои душевные поклоны свояченицамъ—Поля, Нюша, Вари и Ивану Федор. Затемъ, дорогіе сестрицы, извещаю, что я сьбо письма остаюсь живъ-здоровъ, чего сердечно и вамъ желаемъ. Извещаю вамъ, что я посылаю вамъ эта 4-я письмо, кдкъ ранили меня сь 11 октября. Раненъ левой руки палець указательной—на чуть-держителъ.

Прошу васъ, дорогіе сестры и свояченицы—Поля и Нюша, пришлитѣ хотя по 50 к. денжонокъ, соберите

вместѣ и вышлитѣ хотя немного

Ксеня, сьходи къ Вари, можетъ, и она дастъ, но не говори, что я просилъ. Я просилъ тоже з дома Насти, жене мосей, но не знаю, пришлетъ или нетъ. Когда я былъ на позиціи, тогда она совсемъ мне не нужны были: у кого и были денги, такъ купить тамъ нечего—все города, села, деревни разрушены, даже восмушки табаку было не найтъ купить за рубль. Я теперь лежу въ госпиталяхъ,

Благодаря Бога ишолъ я раненый и встретилъ на пути Степана Иванова, онъ далъ мне одинъ рубль денегъ, а то не было ни одной копейки.

Ксеня, у васъ, какъ ты писала, что Вари дадено 3 руб. послать мне, благодарю васъ, но денги я эти не получалъ. Но ты не бойся, эти денги получимъ, оне обратно придутъ, только не теряй кадрмарку. Потомъ я писалъ водномъ письме вамъ, чтобы прислала 1-нъ фунтъ табаку, это когда я былъ на позиціи, если послано, то тоже обратню придетъ,—не должно потереться!

Затемъ, Ксеня с Настей и свояченицы, у насъ люди здѣсь чужые и то приходятъ въ лазаретъ (и дарятъ по булки въ 3 коп., а другіе принесутъ папирость и оделяютъ всехъ раниныхъ,

да и некому гарась здѣсь делить-то, потому что городъ Слонимъ плохой и живутъ наголимые евреи. Но я прошу, такъ какъ вы родные сестры, а я братъ ващъ хотя, можетъ быть, я и худо вамъ делалъ дома но все-таки у меня въ эта ужасное время есть большое сожаленіе къ вамъ и вы должны тоже иметь сожаленіе къ своему родному брату. Я смотрю, какъ мы отправлялись сь поѣзда въ лазаретъ, и шли этимъ городомъ, а другіхъ везли тяжело-раненыхъ, и встречаются с нами публика из городскихъ жителей и деревенскихъ и очень гарась плакали, глядя на насъ, я даже самъ не могъ стерпеть, заплакал. Такъ вы, сестры и свояченицы—Поля и Нюша, не пожалейте какого-нибудь полтинника для меня. Знайтѣ, въ нашей жисти (я) намъ приходилась во время своего похода сотинные предметы и не нужно было намъ, так же и въ тое время и денги, а теперь, когда надо, такъ ихъ нету. А можетъ быть, и опять придется такъ жить, если война продлится.

Ксеня, сюда придутъ скоро, не будутъ путатся денги ваши. Отъ насъ много назначаютъ, раненыхъ въ Москву, такъ если меня по раны глядя, назначутъ, ихъ отошлютъ въ Москву, а нетъ, обратно вамъ. Я и оттуда тоже сряду же опишу. Но хотя и назначутъ меня, я вамъ сообщу и оттуда адресъ, а можетъ быть, и здѣсь буду лежать, все-таки пришлите сюда.

Ксеня, я очень скучаю. Сидишь другой расъ у окна, гляжу, люди разгуливаются.

«А ты тамъ былъ въ опасности и (д) под неволей, и здѣсь никуда нельзя выти,—»

Но Господь ведатю. Дай Господи скорей покорить врага, и все пройдетъ и зделаетъ замрение,

Ксеня, я въ этомъ письме не описува, во что я раненъ, я в прочіхъ письмахъ писалъ вамъ. Адресъ: городъ Слонимъ Гродницкой губ. запасной госпиталь получ. м. унт.-оф. Е. Алек., оомидія не надо.

Ксеня, продлится война, такъ мне еще придется видать ту страску, которую я перенесъ, не знаю, будетъ такъ на большую сиду, что останусь, но все-таки это дело будитъ не скоро. Прощайте, сию одинъ возде чужого народа,—былъ одинъ землякъ с Клевищъ и того назначили въ Москву, остался одинъ. Затемъ прощайте, целую васъ заочно ото всей души.